

Шоркин А.Д. META-HODOS АНАХАРСИСА: РЕКОНСТРУКЦИИ И НОВЫЕ НАХОДКИ

Философские прогулки участников Таврических чтений по берегам Донузлава, степям и скалам Тарханкута принесли неожиданный и приятный результат: были обнаружены забытые или неизвестные свидетельства об Анахарсисе. Здесь, в укромных закоулках античного Беляуса, под морским песком времени, который засыпал события прошлого, архео-логическая мысль отыскала и извлекла meta-hodos Анахарсиса (ходос, по-гречески – дорога). Главные дороги жизни мудреца и тропы его мысли на путях из Гилеи Нижнего Поднепровья в Милет, Афины и Кизик, как всеми нами было установлено с безусловной достоверностью и самонадеянностью, пролегли через Отлеши и Медведево.

Впрочем, meta-hodos, или, говоря по-современному, методология Анахарсиса извлечена архео-логической мыслью участников Таврических чтений, в несколько, как и следовало ожидать, подпорченном безжалостным временем виде: на некоторых свитках почти ничего нельзя было разобрать, часть фрагментов, увы, была объедена несознательными грызунами или, возможно, небольшими крокодилами, которые, говорят, когда-то заплывали в Донузлав из Нила. К тому же оказалось, что в изначальный текст проникли и прочно там разместились многие позднейшие толкования и комментарии, а попытки наших археологов все-таки выпутать из них архе привели только к тому, что сами эти попытки были легко захвачены и инкорпорированы текстом. И уже непонятно, где здесь Анахарсис, а где – все остальное, включая и нас с вами.

Несколько скрашивает, однако, эту несправедливую в отношении авторского права ситуацию то важное обстоятельство, что настоящим мудрецам (ряд которых и идет от Анахарсиса) эти права безразличны. Не потому, как можно было бы прагматично и опрочетчиво предположить, что их обычно уже нет среди живущих, но оттого, что такова общая, замечательная и неизбежная судьба всех хоть чего-то стоящих идей: присваиваться другими. Нехорошо красть чужую идею, верно и плодотворно сделать ее своей и особенной, приобщившись к тому, что «запало в душу». Чем шире круг людей, приобщившихся к идее, тем она успешнее. И каждый акт возрастания идеи в отдельном человеке в безмятежном игнорировании авторского права дает ей новую свежую жизнь. Идея не репродуцируется под копиру, – так она только медленно стареет, тускнеет и гибнет, а воз-рождается – и тогда всякий раз вживляется в иной контекст, насыщается и сверкает новыми смыслами.

В живой перекличке идей время не имеет никакого значения, исчезает, и те, кто жили сотни и тысячи лет назад, оказываются нашими современниками. Пустословие сквозь толщу времени просто не проходит. Чем почтеннее наш современник, тем толще культурные фильтры, в которых уже безжалостно застряло и кануло в лету всякое мелкое и суетное. Классики говорят с нами только тщательно отцеженными и многократно апробированными идеями. Слова и тексты обычно списываются в архив, куда редко кто заглядывает, разве что какой-то чудаки, покрываются там пылью, ветшают и, в конце концов, превращаются в мышиный помет. Но иногда не время «съедает» их, а идеи превосходят время, которое присваивает им высокую золотую пробу.

Прежде чем завершить это предисловие и, наконец, продемонстрировать некоторые найденные свидетельства об Анахарсисе, сделаем важное заявление. Оргкомитет Таврических чтений «Анахарсис» располагает надежными сведениями, что многие участники чтений предъявили общественности пока не все из того, что ими было обнаружено. Некоторые драгоценные находки вследствие беспечности или бережливости ими были припрятаны. Рубрика «Meta-hodos Анахарсиса: реконструкции и новые находки» открыта для всех желающих поделиться потаенным и сокровенным.

В волчьей стае добыча делится справедливо.

Дележ добычи и пищи у людей несправедлив.

Эти высказывания Анахарсиса в настоящее время надежно подтверждены многочисленными наблюдениями зоологов и распределением валового национального дохода в современной Украине.

В поисках истоков несправедливости людского дележа добычи следует обратиться к глубокой древности. Первобытный закон гласит: когда человек голоден, он имеет право на любую пищу, которую отыщет. В значительной мере право и этика возникают из дележа пищи.

Оставим в стороне сомнительные средневековые этимологические штудии, соединяющие санскритское «веда» с «ведать» и с «еда». При этом все же отметим, что во всех языках слова «познать», «постичь», «понять» укоренены в глаголах «взять», «схватить», а иногда даже в «зачать» или «проглотить». Если, однако, вообще поостеречься заниматься здесь герменевтическими поисками, то все же несомненным представляется, что у человека всегда есть выбор: открыть сердце разнообразию мира или пытаться целиком его проглотить, как каннибал.

Увы, человеку даже свойственно пожирать и мучить других и самого себя. Разве зависть и ревность не являются пожирателями любви? Действительно ли операционный наркоз избавляет пациента от боли, или позволяет ему только забыть о ней?

Когда чересчур много еды, сердце становится дополнением к желудку.

Многие люди правильно смирились с тем, что «в поте лица будешь есть хлеб свой». Но, добавляют они, «пусть этот хлеб приходит в достатке». Однако люди не принимают во внимание, что «когда вспотел, нельзя есть много».

Какое-то время полезно жить в бедности – так нужно для сердца, чтобы оно не стало дополнением к желудку.

Деньги пахнут властью и похотью.

Обычное поведение животных резко меняется в периоды течки. Куда деваются нормально присущие, например, котам их мудрая осторожность и самодостаточность? Они становятся зависимыми и агрессивными, самосохранение с готовностью приносится ими в жертву неодолимому влечению. Периоды гона – это периоды временного помешательства, когда нормальные приоритеты питания, здоровья и даже самой жизни девальвированы и отброшены.

Такие «затмения» биологически санкционированы единственной, но высшей задачей продления рода. Отдельный организм не может *всегда* быть ориентирован на самосохранение, как не может бесконечно долго продолжаться сама его жизнь. Ибо сверхорганизменные популяции основаны на ином законе: чтобы род мог жить и развиваться, его представители должны быть смертными. Гоны и течки – репетиции этого неумолимого установления.

У человека течка (период готовности и стремления к совокуплению) явление не эпизодическое, а постоянное. Даже менопаузы и не эрегированные состояния изобретательно заполнены созданными в культурах техниками «непримитивного» секса, эротикой и соблазнами. Человек – единственное животное, у которого периоды затмения и помешательства поглотили всю его жизнь. Но так божественный, в чем были уверены греки, эрос, сводится к похоти и, по характеристике психологов (напр., Р. Мэй), «истощается». А. Шопенгауэр даже поместил половые органы в «ядро жизни» и «фокус воли» человека. В итоге, согласимся с И. Бродским, «личность гибнет не столько от меча, сколько от пениса» [1].

Вынужденные заботы о пропитании коварно превращены развитием культуры в охоту за деньгами. Большую часть своей жизни человек расходует на то, чтобы их получить, но уверен, что они нужны, чтобы жить, и в основном тратит деньги на соблазны. Запах денег сродни неодолимой притягательности запаха течки. Деньги не пахнут именно потому, что их запах, как и влекущий «запах» секса, не временен, а постоянен. Как говорится, «принюхались».

Деньги и секс являются главными мотивами власти. Так невероятно наша социальность складывается из нормальности ненормального, из перманентного затмения и помешательства, – так ее оценили бы, если бы захотели и смогли, коты и кошки. Преодоление зависимости от тяги к власти и деньгам, а также агрессивности, сопутствующей этой зависимости, совпадает с поиском и обретением самодостаточности. Коты самодостаточны изначально и банально, поиск путей к самодостаточности для некоторых людей оказывается базовой проблемой. Впрочем, многие искренне ее не замечают или предпочитают не замечать.

В общем, как подытожил бы Анахарсис, деньги – это непрекращающаяся течка. К. Поппер видел «худшее в деньгах», что на них можно купить политическую власть [2]. Зная современную отечественную реальность, справедливо к этому добавить, что еще более «худшим» является возможность конвертации в деньги политической власти. Но «самым худшим» следует все же признать зачастую подразумеваемую роль денег как универсальной отмычки, которая якобы открывает все двери. Однако они, увы, отнюдь не волшебная палочка, которая счастливо выполняет любые наши желания, ибо самые глубокие из них нам не ведомы, а другие – нелепы.

Человек не готов принять и просчитать последствия своих даже известных ему желаний. Ж. Лакан уверен, что ценой счастья является именно непоследовательность желания, мудрый и безмятежный отказ от знания лишнего. Правильно Иокаста предупреждала Эдипа: «Боже упаси тебя от знания того, кто ты таков!». Желание не поддается счету, принципиально не калькулируемо и потому не может быть измерено деньгами. Нелепо видеть в деньгах универсальную отмычку. Ведь очевидно, что ни душа, ни любовь, ни вера ими не открываются и не покупаются. Чем они действительно являются, так это ключом к власти прихоти.

Люди склонны обманывать других и обманываться сами тем, что они якобы поглощены исполнением своих желаний, частично или даже полностью совпадающих с желаниями всех. Особенно этим грешат политики. Реально, однако, мы гораздо упорнее в следовании своим прихотям. В отличие от желаний прихоти всегда очевидны и калькулируемы. Желания составляют основу существования человека, прихоти – основу упорства. Упорствование, по мнению Шеллинга, является оппозицией существованию. То, что мы хотели, но не сделали или не получили, преследует нас с упорной маниакальностью призрака.

В жизни, однако, отнюдь не просто отделить конструктивные желания от деструктивных прихотей. Мы обычно смешиваем одно с другим и гордимся своим «упорством в достижении цели». Какая из целей действительно достойна того, чтобы ее стремиться достичь, а какая – только призрачная и выросла из прихоти? Конечно, если «цель оправдывает средства», то она близка к маниакальной прихоти. Добавить к этой банальности почти нечего, разве что умозрительный совет руководствоваться смыслом деятельности, который соединяет в целое зачастую рассогласованные цель и средства. Но что делать здесь и сейчас, в ситуации игнорирования разницы между желанием и прихотью, распространенности веры в то, что все двери жизни открываются деньгами?

С. Жижек справедливо и метко констатирует, что в современной «пустыне Реального» (вспомним Шеллинга – упорствование вместо существования) люди «глубоко погружены в потребительскую аналитическую установку» [3]. Эту гипнотическую установку, по его мнению, уже не способны изменить никакие слова. Не образование, а ужас террора в уютном быте, бомбы в супермаркете – вот что теперь только и способно изменить человека. Я не думаю, что этот кровавожидный сценарий является единственным и неизбежным вариантом воздействия на мир, где деньги пахнут властью и похотью, но то, что он составляет реальную и уже апробируемую альтернативу – это многозначный и тревожный факт.

Свою шкуру надо беречь.

Животные дают нам один бесспорный образец отношения к собственной шкурке: нет таких, которые бы не заботились о ней, не лелеяли, не берегли. У людей же «шкурник» – оскорбление. Так осуждающе и презрительно именуют тех, кто склонен «спасти свою шкуру», когда ее жертва не исключена или предусмотрена общественной пользой. Здесь мы ближе к другому, жертвенному образцу отношения к «шкуре», распространенного среди насекомых, например, муравьев или пчел. Так к какому из этих двух образцов (беречь или не беречь) все же придется склониться человеку?

Кожа как «шкура» человека является границей между внутренними и внешними событиями его жизни. Психологически чувство Я изначально устанавливается и впоследствии поддерживается чувством кожи. Без чувства кожи вообще невозможно Я, невозможен человек. «Шизосубъект – это человек без кожи», без границы между внутренними и внешними событиями жизни [4]. «Толстокожими» мы называем, однако, отнюдь не интровертов, а только равнодушных.

В итоге, без «шкуры» нельзя быть и оставаться нормальным человеком, но плохо быть «шкурником» и «толстокожим». Правильно поэтому свою шкуру беречь, но оставаться способным пожертвовать ею с минимальным уроном в тех исключительных случаях, когда ты *сам* сочтешь это единственно уместным в данной ситуации поступком.

Как только человек сильнее мухи, паутина законов не удержит его от своеволия.

Паук не сможет и не захочет плести паутину, которая поймала бы самого паука.

Равенство перед законом – изономию, как это повелось от Алкмеона, вот уже две с половиной тысячи лет принято считать условием здоровья общества, «гордым кличем демократии» (К. Поппер). Но почему же Солону не удалось убедить в несомненной, казалось бы, пользе законов Анахарсиса?

Как известно, после посещения Милета – родины матери, Анахарсис отправился в Афины, где провел немало времени возле выставленных на площади медных досок. Там были выгравированы тексты законов Солона. В разговоре с автором он сравнил, однако, законы с паутиной, в которой запутаются лишь слабые и бедные, а сильные и богатые из нее вырвутся. На что Солон возразил, что законы удержат всех – и слабых, и сильных, когда они совпадают с интересами людей и их невыгодно нарушать.

Создали ли мы такие законы за прошедшие тысячелетия? Когда законы создают сильные и богатые, то они в основном предназначены для бедных и слабых. То, что способствует наибольшему росту власти и денег, законодательно регулируется с несравненно меньшим энтузиазмом и большим ожесточением. Постсоветская приватизация и современные коллизии в Украине – убедительный пример тому.

Можно ли вообще поручать, например, игроку в шахматы судить ход партии, в которой он играет? И менять правила по ходу игры? Кто тогда гарантированно выиграет? Но именно это происходит, когда в экономических играх участвуют представители власти. Пока бизнес и власть не разделены, изономия остается только утопией. Честнее, хотя и грустнее – «паучья правда» Анахарсиса.

Дикий зверь следует природе и ненавидит клетку, а человек только в ней и может жить.

Природа – это всегда настоящее, а в человеческой клетке его почти нет – там только прошлое и будущее.

Собака виляет своим хвостом, а хвост памяти виляет самим человеком.

Животному просторнее, чем человеку: вся природа для него – дом родной, тогда как человек и становится таковым, лишь помещая себя в клетку культуры. Люди окружают себя семиотической сетью норм и оценок, частично видимой и отчасти – невидимой. Все мы – в плену имен, подчинены диктату названий. Именованное для греков совпадало с *diabolos* – буквально, разрыванием на части ранее соединенного *simbolos*. Божественное демоническое, судьбоносное и плодоносное раскалывается людьми на эти антонимы и так преодолевается посредством именованного. Дикий зверь не знает *diabolos*, а потому – наиболее свободное, по Анахарсису, существо. У необозначенного несравненно больше свободы для метаморфоз.

Человеку просторнее, чем животному: он живет не только настоящим, но и тем, что было и тем, что будет. Придумав время, человек усмирил вечность. Клетка его культуры и жизни распахнута в прошлое и будущее.

Согласно поэтически-метафизическому сравнению И. Бродского, память – это «замена хвоста, навсегда утраченного нами в счастливым процессе эволюции», она закручивается, виляет и управляет нашими движениями [5]. Мечта и проект – это тот же хвост, который виляет нами из будущего.

Распахнутая во времени клетка культуры открывает две дороги – помнить и мечтать. Но ничто так не переменчиво, как прошлое, и ничто так не спорно, как будущее. Лучшее, что мы находим в прошлом – это тра-

диции и уроки. Однако главным уроком истории оказывается то, что никаких уроков из нее мы не в состоянии извлечь. Пиетет традиции зачастую оказывается мертвящим грузом. Будущее, по определению, всегда должно быть «лучшим» (иначе вообще, зачем его строить), но чаще всего то, чего мы достигаем, оборачивается шоком.

«Усмиренная» вечность смеется над нами, а захватившая человека паутина культуры, в чем нет сомнений после З. Фрейда, делает его невротиком. Жить сегодняшним днем, забывать – естественно, а грезить и помнить – искусственно. Но чем охотнее мы этому следуем, тем больше в нас животного и меньше – человека.

Суета и болтливость противны природе.

Характерная примета современной жизни – спешка. Как будто кто-то за нами гонится. Страх отстать – от моды, лидеров, конкурентов, от меняющейся конъюнктуры – сегодняшнее обыкновение. Важно успеть, тогда и придет «успех». Успешный человек – это человек вечно спешащий, подгоняемый некрепко вживленным в него страхом опоздать к раздаче, пропустить, проворонить.

Люди уже почти не говорят «который час?», потому что для них важны более мелкие отрезки времени. В метро мы напряженно всматриваемся в горящую цифру минуты, скачущая секундная стрелка стала такой же приметой современной жизни, как для 13 или 14 века степенный бой башенных часов. Отрезки времени теперь не складываются из средневековых 2-3 часовых «стражей» или из 15-минутных «четвертей». Современный ритм научно-технической цивилизации раздробил временные отрезки на предельно мелкие для человеческого восприятия частички. Нас подгоняет нами же созданный и выбранный техногенный способ бытия.

Но вследствие страха и спешки большинство наших оценок, предложений и решений, как считают психологи, носят истерический характер [6]. Нам некогда ждать, когда предмет примет достаточно четкие очертания. Мы пытаемся, лишь бы побыстрее, поймать его в сеть, ячейки которой мало соответствуют предмету. В итоге, заключает Э. Метнер, искомая находка полностью или частично уплывает из рук.

Важно также понять, что мы *ин-формируемы* постигаемой вещью: не только получаем о ней информацию, но и сами формируемся под ее влиянием. Суета и спешка приводят не только к искажению представлений о мире, который нас окружает, но также, что не менее печально, к деформации самих себя. Истерия и иные невротические акцентуации – такая же примета сегодняшнего дня, как компьютер, секундная стрелка, график встреч и поездок на месяцы вперед. Человеку остается скудный выбор между опустошающей его гонкой на износ, преодолением досадных обстоятельств, которые то и дело ломают расписания и выбивают из графиков, а также ролями неудачника, безнадежно выпавшего из времени «отстоя», который уже вообще вне «настоящей и полной» жизни.

Обычное приветствие тибетских шерпов «кали пхе» в буквальном переводе значит «не спеши». Суеты и спешки они, как и многие другие традиционные народы, вообще не знают, ожидание для них нормально и конструктивно. Ожидание чего-то всегда сопряжено с заботой о том, чего ожидаешь. Забота как «основа бытия» (М. Хайдеггер), в свою очередь, питает надежду. Замечательная эта связность (ожидание – забота – надежда), которая придает смысл человеческому бытию, в нашей культуре уязвлена и расшатана дискредитацией традиционного умения ждать и надеяться.

Критика Анахарсисом болтливости, понятно, не может сопровождаться многословным комментарием. Больше других его последователей здесь «преуспел» Ф.Ницше, который вообще увидел в языке болезнь, от которой нужно выздороветь и отстаивал совершенную полноту коммуникации вне языка и даже вопреки языку – посредством инсценирования тела. Он предлагал «учиться танцевать» – речь, книгу, мышление. Но, согласимся, создаваемая мудрецами древности эстетика молчания и сдержанности, предпочтительность краткословья (чему следовал Анахарсис) равно отлична как от постмодернистского недержания речи, так и от бессловесности.

Источники и литература

1. Бродский Иосиф. Меньше единицы: Избранные эссе. – М.: Изд. Независимая Газета, 1999. – С. 115
2. Поппер К.Р. Открытое общество и его враги. Т.1. – М.: Феникс, 1992. – С. 391.
3. Жижек С. Добро пожаловать в пустыню Реального – М.: Фонд «Прагматика культуры», 2002. – С. 15.
4. Подорога В.А. Метафизика ландшафта. Коммуникативные стратегии в философской культуре XIX–XX веков. М.: Наука, 1993. – С. 30.
5. Бродский Иосиф. Меньше единицы: Избранные эссе. – М.: Изд. Независимая Газета, 1999. – С. 30.
6. Метнер Э. Портрет личности в рамке взаимного узнавания / Новая весна, №4, 2002. – С. 112.